

1226545

G3 3(2)1

E 51

Кр III 1226315

Елисейев А. В.

По белу свету

Глава XIII.

Экскурсія 1880 года. — Курганы и городища Ильменскаго бассейна. — Ходъ славянской колонизаціи въ предѣлахъ нынѣшней Новгородской губерніи. — Древніе обитатели Ильменскаго бассейна. — Среди топей и болотъ. — Комариная сила. — Кирилловскій монастырь. — Бѣлозерскъ и его окрестности. — Могила Синеуса. — Обитатели Бѣлозерья.

ОЛѢДУЮЩЕЕ лѣто, — 1880 года, — несмотря на широко задуманные планы дальнѣйшихъ путешествій по сѣверу Россіи, мнѣ пришлось, благодаря недостатку средствъ, провести всецѣло въ предѣлахъ Новгородской губерніи. Хотя многія мѣстности этой обширной губерніи, особенно Старорусскій и Новгородскій уѣзды, были уже обойдены мною ранѣе, еще въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, во время военнаго преслѣдованія расплодившихся здѣсь большихъ разбойничьихъ шаекъ, тѣмъ не менѣе въ Новгородскомъ краѣ оставалось еще немало любопытныхъ во всѣхъ отношеніяхъ уголковъ, которые мнѣ хотѣлось обойти. Къ этому присоединилось еще стремленіе къ археологическимъ изысканіямъ, выработавшееся за двѣ предыдущія экскурсіи, и мое знакомство съ методами и задачами антропологіи.

Большую часть своихъ экскурсій по Новгородской губерніи втеченіи весны и лѣта 1880 года я совершилъ по образу пѣшаго хожденія. Исходнымъ пунктомъ ихъ былъ Новгородъ, покинувъ который, я прежде всего обошелъ берега всего Ильменскаго озера, посѣщая древнія обиталища, лежащія въ этомъ районѣ, и особенно останавливаясь на осмотрѣ прильменскихъ кургановъ и городищъ. Нѣкоторыя изъ этихъ «сопокъ», — по мѣстному ихъ наименованію, — подверглись даже небольшой раскопкѣ или, лучше сказать, пробѣ на ихъ археологическое содержаніе. Впрочемъ, такъ какъ эти пробы производились обыкновенно простымъ шурфованіемъ, то они не могли дать особенно обильныхъ находокъ.

Копаясь такимъ образомъ, я прошелъ по берегамъ Волхова и Мсты, въ предѣлахъ Новгородскаго уѣзда и посѣтилъ нѣкоторыя деревушки по притокамъ этой послѣдней, — рѣкамъ Хубѣ и Холавѣ, гдѣ особенно часто

Новгородъ.

встрѣчаются курганы. Добравшись затѣмъ до Московскаго тракта, я вышелъ къ Крестцамъ и нѣсколько недѣль блуждалъ по погостамъ, лежащимъ между этимъ городомъ, Валдайскимъ озеромъ, большимъ трактомъ и желѣзною дорогою. Здѣсь, помимо многочисленныхъ сопокъ, осмотрѣнныхъ мною у Лопоккаго, Шутиловичей, Яжелбиць, Миронегъ, Лысна и др., мое вниманіе было привлечено многочисленными названіями урочищъ, до сихъ поръ носящихъ имена, заимствованныя изъ древней мифологіи славянъ. Имена: Лядчина, Лелевина, Волосово, Велья гора, Муры и друг.—говорятъ сами за себя; еще больше здѣсь урочищъ, носящихъ имена съ древне-славянскими корнями, каковы Миронегы, Свинчищи, Угріево, Рахина, Пестова, Яглино, Яжелбицы, Перетно и многія другія. Названій, почерпнутыхъ изъ финскаго корнеслова, въ этой мѣстности, напротивъ, сравнительно немного, хотя въ такихъ наименованіяхъ, какъ Халово, Тухине, Мста и проч.,—безъ сомнѣній надо искать финскихъ корней.

Отсюда путь мой лежалъ по берегамъ Поли въ нижнемъ теченіи своемъ довольно богатой курганами. Еще болѣе матеріала въ этомъ отношеніи дали экскурсіи по берегамъ Ловати и др. рѣкъ южнаго Ильменскаго бассейна. Берега Ловати, можно сказать, всѣ устьяны разнообразными курганами, расположенными и по одиночкѣ, и цѣлыми группами. Кромѣ теченія Ловати, мною были въ это мѣсто посѣщены и берега рѣкъ Полисты, Хольня, Шелони и ихъ притоковъ. Наконецъ экскурсіями по Волхову окончились мои странствованія въ бассейнѣ Ильменя, давнѣе матеріалъ для первыхъ моихъ антропологическихъ работъ. Такъ какъ самыя странствованія по этимъ хорошо населеннымъ и болѣе или менѣе извѣстнымъ уголкамъ не представляли особенно интересныхъ эпизодовъ, то мы и остановимся вкратцѣ лишь на тѣхъ результатахъ, которые дала эта первая наша антропологическая экскурсія, и которые напечатаны въ моихъ двухъ первыхъ этнографическихъ трудахъ *).

*) «Славянская колонизация въ бассейнѣ Ильменя». Др. и Нов. Россія, 1881 г. Мартъ. «Археологія и антропологія Ильменск. бассейна». Ж. Мин. Нар. Пр., 1880 г., ССХV, отд. 2.

Изучая по указаннымъ остаткамъ древности ходъ и развитіе славянской колонизаціи въ бассейнѣ Ильменя, я прежде всего натолкнулся на тотъ фактъ, что здѣсь славяне съ первыхъ же моментовъ своего прихода столкнулись съ враждебными финскими племенами и потому настроили массу городковъ, слѣды которыхъ остаются и понынѣ въ многочисленныхъ оврагахъ и городищахъ, разбросанныхъ по всему Приильменью. Среди этихъ сооруженийъ можно различать нѣсколько видовъ, напр. сторожевыя курганы, не содержащія человѣческихъ костей, затѣмъ сопки, насыпанныя на мѣстѣ великихъ побоищъ и богатая останками древняго человѣка, и рядъ кургановъ путевыхъ, лежащихъ по направленію великаго воднаго пути. Помимо того, нѣкоторыя сопки, особенно стоящія у деревень, самыя названія которыхъ заимствованы изъ древней славянской мифологіи, имѣли, повидимому, значеніе, какъ мѣста жертвоприношенія тѣмъ или другимъ языческимъ божествамъ. Изучая распредѣленіе различныхъ сопокъ Ильменскаго бассейна, я пришелъ къ тому заключенію, что главнѣйшимъ центромъ поселенія ильменскихъ славянъ было мѣсто, лежащее въ узлѣ, образуемомъ основными рѣчными системами Ильменя, т. е. приблизительно тамъ, гдѣ лежитъ нынѣ Старая Русса. Отсюда-то славянская колонизація и двинулась, повидимому, во всѣ стороны по теченію рѣкъ. Къ такому выводу позволили придти мнѣ не только данныя относительно топографическаго расположенія здѣшнихъ кургановъ, но также изученіе именъ урочищъ древнеславянскаго и финнскаго происхожденія, а равно и нѣкоторыя древнія преданія, которыя мнѣ удалось собрать на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ признаться, что недостаточная еще въ то время моя подготовка позволила мнѣ лишь отчасти освѣтить интересовавшій меня вопросъ.

Гораздо успѣшнѣе были мои антропологическія наблюденія, сдѣланныя надъ остатками, добытыми изъ кургановъ Ильменскаго бассейна при раскопкахъ. Прежде всего мнѣ удалось для нѣкоторыхъ здѣшнихъ сопокъ доказать существованіе кострищъ и остатковъ жженныхъ человѣческихъ костей, что указываетъ на практиковавшееся въ древности у новгородскихъ славянъ сожженіе труповъ. Уже первая находка древнихъ человѣческихъ костей вызвала во мнѣ, кромѣ того, страстное желаніе опредѣлить ихъ возрастъ, что я и попытался сдѣлать, развивъ предположеніе одного французскаго ученаго, увѣрявшаго, что онъ нашелъ способъ опредѣленія древ-

Череповецъ.

ности костей, находимыхъ въ могилншахъ, на основаніи ихъ химическаго изслѣдованія, именно, на основаніи факта постепенной убыли органическаго вещества изъ кости по мѣрѣ ея пребыванія въ землѣ. Убѣдившись предварительными изслѣдованіями въ пригодности этого метода, я попробовалъ приложить его на дѣлѣ и дѣйствительно пришелъ къ нѣкоторымъ любопытнымъ результатамъ. Оказалось, что кости одного и того же кургана зачастую имѣютъ различную древность, т. е., говоря иначе, одинъ и тотъ же курганъ могъ служить мѣстомъ погребенія нѣсколько разъ, въ разныя эпохи, причемъ позднѣйшее погребеніе покойниковъ въ древнихъ новгородскихъ курганахъ, по нашему мнѣнію, имѣло мѣсто въ сравнительно недавнія времена.

Еще любопытнѣе выводъ, къ которому я пришелъ на основаніи кринометрическихъ наблюденій надъ черепами, добытыми изъ сопокъ и зольниковъ Ильменскаго бассейна. Оказалось, что черепа эти, помимо цѣлага ряда переходныхъ формъ, представляютъ два крайнихъ типа: длинноголовые, аналогичные тѣмъ, какіе были добыты археологами въ курганахъ Средней и Западной Россіи, и короткоголовые, вполне аналогичные тѣмъ, какіе встрѣчаются у современнаго населенія Ильменскаго бассейна. Отсюда очевидно, что въ курганное время въ бассейнѣ Ильменя жили болѣе или менѣе одновременно два совершенно особыхъ въ антропологическомъ отношеніи народа: длинноголовый и короткоголовый. Первый былъ древнѣйшимъ насельникомъ края, второй—позднѣйшимъ пришельцемъ. Первый по своимъ анатомическимъ признакамъ близко подходилъ къ курганному человѣку всей остальной Европы, второй—къ современнымъ обитателямъ этой мѣстности. Я тогда же пытался опредѣлить болѣе или менѣе и національность этихъ народовъ, и пришелъ къ тому заключенію, что брахицефалами новгородскихъ кургановъ по всей вѣроятности были славяне и отчасти литовцы, тогда какъ длинноголовыми были—финны или угры. Позднѣйшія мои изслѣдованія, произведенныя надъ антропологическимъ типомъ обитателей Финляндіи, поколебали во мнѣ, однако, увѣренность къ

принадлежности курганнаго народа Прильменя къ чистымъ финнамъ, хотя вопросъ объ уграхъ, для меня по крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ является открытымъ.

Вторую половину лѣта и начала осени 1880 году я провелъ въ двухъ восточныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи, Череповскомъ и Бѣлозерскомъ, куда меня привлекли уже не столько археологическія изысканія, сколько непроходимые болота и лѣса, о которыхъ мнѣ рассказывали чудеса. Все это, разумѣется, оказалось преувеличеннымъ, но все-таки я не пожалѣлъ о времени, проведенномъ въ бассейнѣ Бѣлаго озера и Шексны.

Исходнымъ пунктомъ моихъ экскурсій по этому краю былъ Череповецъ, куда я добрался, пользуясь удобнымъ случаемъ, почти бесплатно изъ Рыбинска на пароходѣ. Отсюда мнѣ пришлось пробираться на рѣку Андогу уже по образу пѣшаго хожденія, черезъ лѣса, болота и суходолье. Хотя этотъ лѣсистый уголокъ былъ издревле населенъ русскими славянами, и о его церквахъ упоминается даже въ лѣтописяхъ XII столѣтія, тѣмъ не менѣе здѣсь сохраняется еще очень много остатковъ старины не только въ древнихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, но и въ самомъ языкѣ, богатомъ идиомами. Замѣчательно впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ самыхъ глухихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ этого края не встрѣчается вовсе кургановъ и городищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и историческихъ преданій, хотя эти уголки и были давно заселены. По всей вѣроятности это объясняется тѣмъ, что славяне были первыми насельниками этихъ мѣстностей, не занятыхъ ранѣе даже историческою Чудью,—что занятіе этихъ земель произошло совершенно безъ борьбы, а все дальнѣйшее историческое существованіе населенія протекло внѣ всякихъ событій, не заходившихъ въ здѣшніе лѣса и мшары.

Не доходя до границы Бѣлозерскаго уѣзда, я свернулъ съ Андоги на Суду, причемъ около двухъ сутокъ пробирался по болотамъ и мшарамъ, пока не вышелъ къ деревнѣ Курапиной, известной своими сѣрными ключами и лежащей около впаденія рѣки Колпы. Последняя заключаетъ въ своемъ бассейнѣ одни изъ самыхъ громаднхъ болотъ во всей Новгородской губерніи, известныя подъ именемъ Большаго Колпскаго Мха, среди которыхъ я проблуждалъ цѣлую недѣлю и едва не пропалъ совсѣмъ. Къ

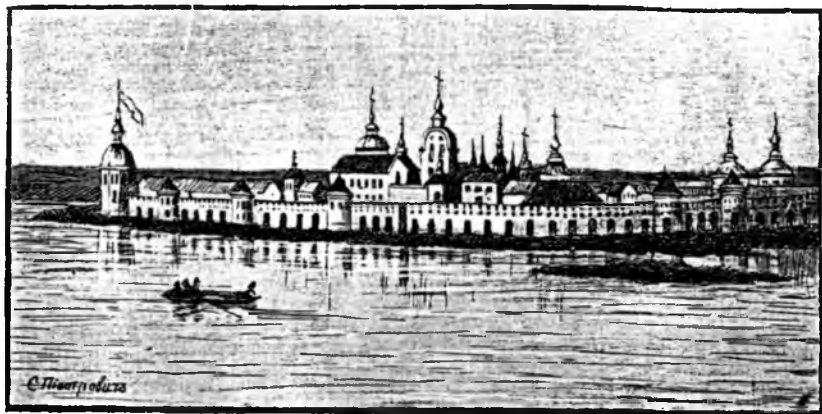

счастью, у меня былъ опытный проводникъ, взятый еще въ Курапинной. Благодаря ему, я пробирался съ успѣхомъ черезъ такія болотины, которыми не ходятъ даже туземны. Несмотря на то, мы не разъ попадали въ такія топи, среди которыхъ на каждомъ шагу рисковали провалиться въ бездонныя «окна», только съ виду прикрытыя мхомъ. Охотно вѣрю слышанному мною отъ колпскихъ мужиковъ разсказамъ, что къ югу отъ Колпы есть поселенія, жители которыхъ никогда не употребляютъ колесъ, сообщаясь съ внѣшнимъ міромъ лишь зимою на саняхъ, а лѣтомъ по кладкамъ, положеннымъ на самыхъ зыбкихъ мѣстахъ. Нечего и говорить, что во время этой экскурсіи мы изрядно помучились и отъ голодовокъ, и отъ сырости, и отъ комаровъ. Одно время дня три у насъ вовсе не было даже хлѣба, такъ какъ, заблудившись въ сторону отъ тропы, мы не нашли того поселка, гдѣ надѣялись возобновить свои запасы. Что касается страшной комариной силы, то отъ ея укусовъ мы все время не были похожи сами на себя: лицо и руки и у меня, и у моего спутника опухли, словно послѣ сильнаго рожистаго воспаления, а по утрамъ, вставая послѣ сна, мы долго не могли открыть глазъ вслѣдствіе того, что вѣки наши были вздуты отъ бесчисленныхъ укуловъ проклятыхъ мучителей. Рядомъ съ этими главными страданіями всѣ остальные лишенія были относительно ничтожны: пѣлую недѣлю живя въ болотѣ, мы уже не обращали никакого вниманія ни на сырость, ни на грязь, ни на усталость, ни на холода, становившіеся уже ощутительными по утрамъ. Какъ ни люблю я скитанія въ глуши, тѣмъ не менѣе былъ очень радъ, когда наконецъ выбрался на проселочную дорогу изъ этого царства грязи, топей и болотъ.

За деревней Волковой уже началась песчаная, болѣе сухая мѣстность, которою я и дошелъ до самой Суды. Отсюда на небольшомъ челнокѣ я сплылъ до Танишевскаго погоста, причемъ однажды мой утлый челнокъ едва не былъ разбитъ внезапно налетѣвшимъ шкваломъ о бревна сплавнаго лѣса. Затѣмъ отъ Танищъ я снова перешелъ на Андогу и около деревни Шишковой, на островѣ, нашелъ довольно интересную полузасыпанную ямину, о которой мѣстные жители не сохранили никакихъ преданій, хотя по моему мнѣнію она должна относиться къ тому типу яминъ, о которыхъ я уже много говорилъ впереди. На днѣ ея мнѣ еще удалось видѣть каменистую выкладку, а въ стѣнахъ ея—вкрапленные въ землю кострища и грубые черепки.

Отсюда къ сѣверу начинается область, посещающая много воспоминаній о Чуди, богатая урочищами съ финскими наименованіями и до сихъ поръ населенная въ значительномъ количествѣ карелами, достаточно впрочемъ

Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.

обрусѣвшими. Самыя названія рѣкъ: Андога, Тогда, Кумсора, Кіама и др.—уже указываютъ на финскіе корни, равно какъ и названія селъ: Сатругумсъ, Пигумсъ, Перкумсъ, Интомаръ, Лойда и т. д. Къ западу отъ Андоги между этою рѣкою и Тогдою идетъ обширное болото, Куштовская Чисть, пересѣкать которое я, наученный горькимъ опытомъ, не рѣшился, несмотря на желаніе посѣтить верховья Тогды и окрестности Чужбойскаго прихода. И безъ того еле пробрался я по мало замѣтнымъ тропамъ черезъ зыбія болота и лѣса, окружающія деревни Тяшинскаго прихода, причемъ раза два дѣлалъ огромные крюки для того, чтобы обойти топи, ставшія еще болѣе непроходимыми послѣ недавнихъ дождей. Особенно памятенъ мнѣ переходъ въ полверсты, который я сдѣлалъ черезъ зыбкую трясины, ползя на животѣ и опираясь руками на пласты сосновой коры, служившей для увеличенія поверхности давленія. На этотъ ужасный переходъ окло Перкумса мы употребили почти два съ половиною часа, причемъ жестоко пострадали отъ комаровъ.

Нелегкоъ былъ и мой путь къ сѣверу, вдоль р. Андоги, несмотря на то, что я шелъ по проселочной дорогѣ, соединяющей отдѣльные погосты. Довольно сказать, что отъ Лойдянскаго погоста до Андозера мы пробирались болѣе двухъ сутокъ, хотя разстояніе по прямому направленію здѣсь будетъ не свыше 20—25 верстъ. Особенно тяжело мнѣ пришлось за деревней Андопаломъ, гдѣ я сбился съ проселочной дороги и по самыя плечи угодилъ въ болото. Хорошо еще, что на меня случайно набрела партія крестьянъ, — иначе, по всей вѣроятности, мнѣ ни за что не выбраться-бы было изъ засосавшей меня трясины. Передъ самою Андогою мнѣ версты три привелось идти по узкому и скользкому бревну, проваливаясь на каждомъ шагу.

На Андогскомъ погостѣ я отдохнулъ немного, послѣ чего пустился дальше. Кругомъ озера, по старой и запущенной дорогѣ, я идти, однако, не рѣшился и предпочелъ переѣхать его на челнокѣ, къ дер. Норовой Горѣ, стоящей на одной изъ немногихъ прибрежныхъ возвышенностей. Озеро неглубоко, что я испыталъ по собственной мѣркѣ, опрокинувшись по серединѣ его и очутившись всего на полторасажженной глубинѣ. Это

Синеусовъ курганъ.

печальное обстоятельство было вызвано желаніемъ половить вкусныхъ лещей и язей, которыми славится Андозеро.

Отъ Норовой Горы я пробрался на Кирилловскій монастырь, стоящій на островѣ среди озера Новаго, гдѣ, пользуясь гостепрѣимствомъ монаховъ, основательно отдохнулъ послѣ полугорамѣсячныхъ блужданій по болотамъ и топямъ. Отсюда до Бѣлозерска уже рукой подать, — всего верстъ 40, и дорога довольно хороша, особенно для того, кто только-что вылѣзъ изъ царства болотъ.

Въ Бѣлозерскѣ мнѣ не приходилось долго заживаться: стоялъ уже сентябрь мѣсяць, и потому я спѣшилъ скорѣе обойти ближайшія окрестности города, игравшаго довольно значительную роль на самой зарѣ нашей исторіи: такъ называемую Рубленую Сыпь или круговой валъ, обходившій нѣкогда Бѣлозерскъ, курганы и урочища, связанныя съ тѣми или другими преданіями старины. Послѣднихъ болѣе всего находится по Шекснѣ, недалеко отъ береговъ Бѣлаго озера и самого города, что указываетъ на важное значеніе его, какъ древняго колонизаціоннаго центра, вокругъ котораго шла нѣкогда ожесточенная борьба. Наиболѣе извѣстный изъ этихъ кургановъ носить громкое имя Синеусовой могилы, хотя раскопки и обнаружили, что наврядъ-ли здѣсь похороненъ Синеусъ, а вѣрнѣе, — курганъ этотъ остался еще отъ временъ древней Чуди.

Изъ Бѣлозерска я сдѣлалъ еще нѣсколько поѣздокъ по южному берегу озера и по самому озеру для того, чтобы познакомиться съ рыбными промыслами и способами ловли, употребляемыми мѣстными рыбаками. Во время одного изъ такихъ переѣздовъ мы испытали довольно сильную осеннюю бурю съ ливнемъ и порывистыми шквалами, причемъ едва не были выброшены на берегъ. Только ловкость лодочника, съумѣвшаго сбросить во время паруса и поставить лодку поперекъ волны, спасла насъ отъ крушенія. Прибывъ въ Бѣлозерскъ, лодочникъ мой прежде всего отправился въ Преображенскій соборъ для того, чтобы поблагодарить Бога за спасе-

Бѣлозерскъ.

ніе, а я тотчасъ же сталъ готовиться къ обратному отъѣзду, потому что потерялъ охоту дѣлать дальнѣйшія экскурсіи по расхоловшемуся Бѣлоозеру.

Покидая Бѣлозерье, я пытался сравнивать его насельника съ обонеганиномъ и находилъ въ нихъ нѣчто родственное не столько въ типѣ, сколько въ извѣстнаго рода ухваткахъ, безотчетной удали, ловкости и проворствѣ, которыхъ такъ часто недостаетъ великороссу. Не есть-ли это наслѣдіе удалого новгородскаго ушкуйника, потомковъ котораго безъ сомнѣнія представляютъ русскіе насельники области великихъ озеръ и особенно ихъ береговъ? — думалось мнѣ, и чѣмъ болѣе я сравнивалъ между собою ладожанина, олончанина, бѣлозера и паозера, — такъ называютъ ильменскихъ жителей, — тѣмъ болѣе находилъ сходства даже въ чертахъ ихъ лицъ. Правда, изъ всѣхъ этихъ потомковъ новгородской вольницы паозерь и олончанинъ представляютъ самыя чистыя типы, тогда какъ бѣлозеръ порядочно-таки, породнился съ бѣлоглазю Чудью, но все-таки удалая кровь ушкуйника видна во всѣхъ этихъ пріозерныхъ рыбакахъ. Стоитъ посмотреть на Бѣлозера, когда онъ, застигнутый бурей вдали отъ берега, спокойно и увѣренно направляетъ свою утлую ладью среди бушующихъ валовъ, чтобы невольно подумать: да, это потомокъ тѣхъ удалыхъ молодцовъ, которые на подобныхъ же ладьяхъ разѣзжали по рѣкамъ восточной Россіи, громя цѣлые города, покоряя русской власти цѣлые народы!...

Позднею осенью, уже по снѣжку, вернулся я изъ своей экскурсіи по Новгородской губерніи, надѣясь на будущее лѣто обойти сѣверъ Бѣлаго озера и по Сухонѣ спуститься до Устюга, но обстоятельства измѣнили это мое рѣшеніе и заставили перенести бродячую дѣятельность съ дальняго Сѣвера на знойный Востокъ. Поѣздка въ Бѣлозерье была

последнюю мою экскурсію въ глухіе уголки Россіи, и только лѣтомъ 1882 года я случайно, возвращаясь изъ Лапландіи, проѣхалъ снова черезъ Обонежье.

Такимъ образомъ подготовительный періодъ моихъ экскурсій окончился, и съ весны слѣдующаго года я попалъ совершенно неожиданно въ инныя условія путешествія, при которыхъ пригодилась вся школа опытности и терпѣнія, пройденная въ лѣсахъ и болотахъ негостепріимнаго Сѣвера русской земли... Придется-ли когда-нибудь мнѣ снова вернуться на поле первой моей дѣятельности,— не знаю, но одни изъ самыхъ сильныхъ воспоминаній все-таки вынесены мною именно изъ нашихъ сѣверныхъ болотинъ, озеръ и лѣсовъ.

